

Покрытая снегом крыша над платформой 9¾ абсолютно не защищала от пронизывающего ветра, дующего вдоль путей и вытягивающего тепло из нетерпеливо ожидавшей на перроне толпы. К счастью, наколдованные в нужных точках согревающие чары помогали чувствовать себя комфортно родителям и друзьям, что дожидались прибытия ярко-красного паровоза Хогвартс-экспресса. Большинство из них едва сдерживали дрожь от нетерпения вновь увидеть своих детей впервые за три месяца. Поезд ещё даже не успел полностью остановиться, когда бесценное содержимое его вагонов с радостными криками высыпало наружу навстречу любящим объятьям, которых так не хватало в школе.

Стоящей среди родителей первоклассников Гриффиндора Эмме Грейнджер выпало честь первой обнаружить желаемую цель.

— Гермиона! Дети! — закричала она, приподнимаясь на цыпочки и маша над головой рукой. — Сюда! Сюда!

Тут же в её сторону потянулась группка детей, возглавляемых сиреневоволосой девочкой. В отличие от подавляющего большинства окружающих, их не обременяли огромные ученические сундуки. Просочившись сквозь толпу, дети с радостным нетерпением бросились в ожидающие их объятия. Ну, по большей части бросились.

— А где мама? — спросил Дин, пытаясь отбиться от Евы и Розы, которые, в свою очередь, делали всё возможное, чтобы заобнимать своего брата.

— Ваши родители остались по ту сторону разделяющего барьера, на немагической стороне, — пояснила бабушка Невилла, наблюдая за тем, как близняшки Патил обнимаются с собственными отцом и матерью. — А отец Луны задержался в Министерстве; он прибудет за ней к Бейтс сегодня вечером.

— Принцесса Хоуп, — Лира сделала формальный реверанс перед группой с Хаффлпаффа. — Иди сюда. Мы здесь, чтобы сопроводить тебя домой, — зеленоволосая девушка рассеянно махнула рукой в сторону Совелия, сидящего на спинке лавки с кожаной сумочкой на груди.

— Меня бы устроило, если бы я осталась в школе, — не задумываясь, ответила маленькая блондинка, пытаясь управиться с огромной клеткой, в которой сидела крупная серая сова.

— Ну, не надо вредничать, — увещевала её Лира, радостно обнимая Гарри. — Твой папа ждёт не дожждётся встречи с тобой.

Клаудед Хоуп раздражённо простонала, смотря куда-то перед собой расфокусированным взглядом, однако ничего не сказала.

— Эх, если б ма и па были здесь, — пожаловался Рон вполголоса.

— Ты же знаешь, что они уехали навестить Чарли, и они не могли взять всех нас с собой, — напомнила Джинни. — Зато мы все каникулы проведём в Понивилле.

— Да знаю, — надулся Рон. — Мне просто хотелось, чтобы они были здесь.

— И нечего тут дуться, — сказал Перси. — Мы их увидим во время летних каникул.

— Не парься, Рон, — ободрила рыжика Скуталу, обнимая его. — У тебя будут просто бомбезные каникулы.

— Так, никаких бомб и взрывов, — тут же встрепенулась Лира. — Вам запрещено прикасаться ко всему, что даже отдалённо напоминает взрывчатку, даже к волшебным бобам.

— Но я же не это имела...

— Никаких бомб и взрывов, — строго повторила зеленоволосая, не дав Скуталу договорить.

— А ты не перебарщиваешь? — спросил Дэн Грейнджер.

— Вы не видели, что они сотворили с одним из полей фермы Эпплов, — ответила Лира. — Так что это просто разумная предосторожность. И кстати, нам уже пора — нас пони ждут.

— Нам сначала надо зайти в Косой переулок, — возразила Свити Белль. — Наши новые палочки уже готовы, и надо их забрать.

— Тогда становитесь в очередь к камину, — вздохнув, сказала Лира.

Нимфадора вздохнула, в очередной раз обнаружив, что копыта далеко не так удобны в чесании головы как пальцы. Несколько месяцев жизни бок о бок с пони так и не избавили её от этих привычных бездумных жестов. Хмыкнув, она поставила на землю своё радужное переднее копыто, окунувшись в воспоминания.

Первые признаки того, что её назначение было совсем не тем, что она изначально предполагала, проявились уже в утро отбытия. Когда Нимфадора, Клементина и её парень Джейсон прибыли в указанную комнату Дырявого котла (её подруга настояла, что хочет

проводить её как положено), в помещении, помимо них, оказалось всего лишь двое парней с Хаффлпаффа. В таком составе они впятером стали дожидаться прибытия представителя министерства. Вопрос, почему нельзя было назначить встречу прямо в министерстве, так и остался без ответа.

Что ещё хуже, представитель министерства появилась с опозданием аж на целый час после назначенного времени. Именно с этого момента всё окончательно пошло не по сценарию.

— Вас всего лишь шестеро? — окидывая взглядом находящихся в комнате людей и явно расстроившись, с натянутой улыбкой спросила женщина, на плече её восседала сова с висящей на груди, на перевязи из тонких ремешков сумкой. — Предполагалось, что вас будет семеро, столько же, сколько они прислали нам.

— Вообще-то, Клементина и Джейсон здесь только провожают меня, — поправила её Тонкс.

— Нет, так дело не пойдёт, — министерская женщина скривилась. — Это слишком важное дело, и мы не можем всё испортить. Так что поздравляю, вы двое тоже отправляетесь.

— Эм, но я сквиб, — попытался отказаться по вполне очевидной причине Джейсон.

— Нам сейчас и маглы подойдут, — заявила женщина. — Так, мы уже опаздываем. У нас даже нет времени на составленный мной инструктаж. Ну, тут уж ничего не поделаешь. А ну-ка, вы все, в сумку. Давайте, давайте, время поджимает. И не забудьте, вы представляете наше министерство, так что проявите себя с лучшей стороны.

— Но я просто подметаю здесь! — воскликнула молодая девушка с метлой, как раз убиравшая в помещении, когда туда вошла работница из министерства. Зато стало понятно, откуда в её подсчётах взялся шестой.

— Стойте, вы не можете так поступить! — возразила Клементина.

— Посмотрим, — женщина подняла палочку. — Вы мне ещё потом «спасибо» скажете. Levicorpus.

Пара секунд — и Нимфадора обнаружила, что находится внутри сумки вместе с пятью другими жертвами.

— Не могу поверить, что она такое сделала! — воскликнула Клементина, пока они ждали дальнейшего развития событий. — Я же работу потеряю, если сегодня не появлюсь!

— Они достаточно хорошо платят за это, — попытался её ободрить один из хаффлпаффцев. — Так что она права — ты ей ещё потом «спасибо» скажешь.

— Министерство само уладит все мелочи на нашей стороне, — добавил второй хафлпаффец. — И потом, что может пойти не так?

Задумавшись, Клементина подошла к Джейсону, встав рядом с ним. Однако прежде чем она смогла всё обдумать, ситуация стремительно поменялась, окончательно скатившись до сюрреалистической.

Встреча нос к носу с целой кучей разноцветных маленьких поняшек при выходе из сумки было последним, что ожидала Тонкс. Ну, может, конечно, не совсем уж последним, однако всё равно где-то в самом конце списка ожидаемого. Стыдно признать, но Нимфадора, как и все остальные люди, с отвисшей челюстью ошарашенно таранилась на приветствовавший их комитет по встрече. Если честно, Тонкс до сих пор не могла вспомнить точно, как именно её поприветствовала та большая белая принцесса, слишком уж Нимфадора была поражена её появлением, как и присутствием по бокам от неё двух других принцесс поменьше. И все трое при этом выглядели до нереальности прекрасными.

К счастью, приветственная речь оказалась достаточно долгой, чтобы новоприбывшие немного пришли в себя, а заодно кое-что уяснили себе из услышанного. Не меньшим везением для Тонкс стало то, что один из хафлпаффцев решил занять место лидера и смог собраться и дать хотя бы формальный ответ на приветствие.

Далее им презентовали парящую в облаке магии подушку, на которой лежали семь колец, и посоветовали каждому взять по одному. Очевидно, им придётся проводить большую часть времени в облике пони. На Джейсоне кольцо сначала не сработало, однако принцесса засветила рогом и что-то сделала, преодолев эту небольшую заминку.

Основной переполох начался, когда собственным кольцом воспользовалась Нимфадора. Пока она пыталась привыкнуть к резкой смене веса и иному расположению конечностей, пони-единорожка рядом с ней оглушительно завизжала и, отпрыгнув назад, отчаянно рванула на выход из комнаты.

— Ну что опять? — спросила Тонкс резко отпрянувших пони вокруг. — Кто-то снова подшутил над моими чарами-дезодорантом?

В этот момент краем глаза она заметила какую-то неправильность. Нимфадора опустила взгляд — и настала уже её очередь завизжать. Ну, в её защиту можно сказать, что неожиданно появившиеся в ваших конечностях дырки заставят кричать любого.

Как позже выяснилось, она стала неким понячьим монстром, в существовании которого большинство пони не верили, считая того просто выдумками и легендами. К превеликой радости Тонкс, пить кровь ради выживания ей не пришлось. Более того, её новообретённые способности к превращению по сравнению с её изначальным даром метаморфизма были словно небо и земля. С таким-то подарком судьбы влиться в общество пони стало для неё плёвым делом.

Да, для Нимфадоры уже многие годы было непривычно быть просто «одной из» в большой толпе. К тому же она оказалась разочарована, что кислотно-розовая шёрстка отнюдь не шокировала местных, потому как подобный розовый окрас оказался вполне себе нормальным явлением среди местных жителей. Однако вскоре стало очевидно, что среди них хоть и встречались пони с радужной гривой, однако о пони с радужной шёрсткой никто ни разу не слышал. Нимфадора тут же воспользовалась уникальной расцветкой — и вуаля! Она снова единственная в своём роде! С этого и началась её интеграция в академическое понячье общество.

Немалая драма разыгралась на почве культурных различий. Двое парней-хаффлапфцев очень скоро на своей шкуре испытали всю прелесть (читай: ужас) бытия в их обществе свободным жеребчиком независимо от того, есть ли у них на крупе эти их цветные татушки или нет, и теперь один хаффлапфец перестал быть столь уж «свободным», а второй превратился в зажатого и пугливого параноика, чувствующего себя девятишиллинговой банкнотой после децимализации¹, совершенно неспособного поверить во внезапно свалившуюся на него популярность среди кобылок и потому на все их предложения и откровенный флирт отвечавшего очень уклончиво, постоянно смущаясь. И его поведение не осталось без внимания: некоторые кобылки восприняли уклончивые ответы парня за личный вызов их способностям, тогда как другие сделали вывод о том, что он наверняка примет в свой будущий табун ещё одного жеребца, как только они смогут убедить его присоединиться к ним.

Ситуация Клементины и Джейсона оказалась едва ли не полностью противоположной. Они довольно быстро узнали, что «моногамность» — это чуть ли не ругательство. Нимфадора была уверена, что единственная причина, по которой Клементина всё ещё оставалась целой и невредимой, было её утверждение о том, что она тоже связана с этой парой, о чём свидетельствует то, что она жила с ними в одной комнате. И хоть после её заявления Джейсон оказался на словах словно в своеобразном официально провозглашённом минимально разрешённого размера табуне, это же стало настоящим магнитом для одиноких кобыл, отчаянно ищущих стабильный табун, дабы получить шанс ощутить радость материнства.

Однако несмотря на кардинальные перемены в физиологии, трансфигурированные люди сохранили свои предпочтения в еде. В результате не раз и не два от них, едва не крича от ужаса, сбегали коровы, ловя на себе их голодные взгляды. К несчастью, хоть блюда в столовой и могли посоперничать по качеству и разнообразию с оными из четырёхзвёздочного ресторана, однако меню всё же было составлено с учётом вкусов местных обитателей — травоядных пони. И потому обнаруженный ими грифоний ресторан стал для британцев даром свыше. Первый же их заказ вызвал у персонала ресторана и его завсегдатаев откровенный смех. Местные хищники под смех и улюлюканье товарищей тут же стали давать необычной группе «пони» самые искренние рекомендации по поводу лучших блюд из непонячьего меню, подбивая попробовать их, маскируя основные продукты, из которых те состоят, за причудливыми названиями. Дошло до того, что владелец ресторана объявил их группе, что трапеза для них будет совершенно бесплатной, если те смогут доесть хотя бы одно блюдо. Ну, что сказать... было сложно понять, какие эмоции доминировали у владельца ресторана — сокрушительная боль от потери прибыли за ряд самых дорогих блюд в меню или же безграничная радость после объявления этой группой «пони», что они в полной мере воспользуются своими королевскими талонами на питание, обеспечивая ресторану покровительство и желая и в дальнейшем пользоваться его услугами.

Однако сама Нимфадора не ела. Она попросту не была голодной. Одно это уже заставляло Тонкс беспокоиться, и её беспокойство лишь усугублялось тем, что каждые несколько дней она отрывивала некую розовую слизь, которую, похоже, её тело само производило. Метаморфиня так и не могла взять в толк, как она может что-то производить, при этом ничего не поглощая. Однако несмотря на эту странную «голодовку», она чувствовала в себе больше энергии, чем даже когда ещё была человеком, и, несмотря на сложную учебную программу, она никогда в жизни не чувствовала себя лучше.

Так что, несмотря на мелкие незаурядицы, жизнь среди пони оказалась куда более интересной и весёлой, чем её прошлая жизнь. И Нимфадора теперь ни за какие коврижки не станет её менять на другую.

Сидя в тишине своего кабинета с вмещающим галлон кувшином свежего огневиски на столе и кубком в руке, Дамблдор размышлял по поводу дальнейших планов. Он был прав, когда предположил, что изменения окажутся быстрыми, безжалостными и не прощающими ошибок. Фракция чистокровных как таковая была попросту уничтожена. Словно обречённое на снос здание, ту снесло взрывом перемен, а все опоры их силы и влияния были уничтожены или отобраны. Первое же заседание Визенгамота во главе с министром Лавгудом продлилось пять дней и не оставило и камня на камне от чистокровных традиций.

Одни только прошедшие в те дни суды стали настоящей этической катастрофой, которая не будет забыта десятилетиями, а то и столетиями. Фаджа лишили всего его имущества и финансов и осудили на пожизненное заключение в Азкабана. Он оказался ответственен за смерти огромного количества горожан, и ему очень повезло, что его не отправили напрямую в Арку. Однако ведьмам и волшебникам, напавшим на дом нынешних членов Визенгамота, уже не так повезло. В итоге чистокровная фракция теперь была представлена в основном наследниками осуждённых. И учитывая, что у тех, по сути, не было никакого опыта в политике, можно было не ждать от них в ближайшие годы хоть каких-то ходов и попыток восстановления влияния.

Остатки разгромленной фракции уже никак не могли помешать целиком и полностью искоренить законы, дающие чистокровным хоть какие-то привилегии. Даже само это разделение было запрещено на законодательном уровне, и теперь по закону чистокровные были совершенно обычными волшебниками, обладающими ничуть не большими правами, чем все остальные. Удивительно, однако столь кардинальный культурный переворот не вызвал особого шума и переполоха. Несмотря на то, что уважаемые чистокровные маги были в ярости, обычные волшебники восприняли все эти перемены крайне положительно. В итоге недавно могущественное, хорошо обеспеченное и имеющее решающее право голоса меньшинство было успешно нейтрализовано и потеряло практически всё.

После резни, устроенной в Визенгамоте, последовали скорые чистки и в самом министерстве. Новый министр руководствовался принципом меритократии, и потому те, чьим единственным достоинством оказалось родство с кем-то из ещё недавно весьма влиятельных и уважаемых магов, очень быстро повылетали со своих должностей. То же самое относилось и к тем, кто отказался принести клятву о следовании новым законам и попытался проворачивать дела по-старому — им тоже пришлось срочно искать работу где-то ещё.

Его школу эти перемены также отчасти не обошли стороной. Нельзя сказать, что Дамблдор не предвидел возможных проблем, которые могли возникнуть по вине семерых новоявленных подмастерьев Северуса. К его удивлению, если не считать нескольких весьма зрелищных происшествий во время уроков зельеварения у первоклассников, они довольно легко влились в повседневную жизнь Хогвартса. У иномирных девушек быстро вошло в привычку, что кто-то из них должен обязательно дежурить возле каждого из двух самых проблемных учеников школы. Какое бы зелье ни варилось, каждая из невольных наставниц тщательно и подробно объясняла своим подопечным все этапы приготовления зелья и следила за выполнением их инструкций. В конце концов, нипони не хотел провести ещё один день в качестве существа ростом в десять сантиметров, при этом отчаянно убегая от Мыша.

Чего уж точно никто не ожидал, так это внезапное и совершенно единодушное игнорирование уроков магловедения. И так уже лишившийся ранее всех учеников со Слизерина, теперь этот предмет оказался заброшен и всеми остальными факультетами. Ученики в один голос заявляли, что профессор «нихрена не понимает, что за хрень он несёт». Когда после проверки выяснилось, что программа целиком и полностью соответствует установленной соответствующим отделом министерства, ученики, нисколько не смутившись, стали применять то же высказывание уже по отношению к самому министерству.

Целый месяц класс на уроках магловедения пустовал. У профессоров ушло добрых две недели на то, чтобы выяснить неожиданный источник знаний учеников. Ответ оказался напрямую связан с полностью прекратившейся практикой не сдавать вовремя домашние задания у трёх факультетов из четырёх. Невероятно, но в гостиной Гриффиндора стоял и спокойно работал этот их «телек»! Вдобавок их староста, Данбар, держала это порождение маглового безумия в заложниках, подпуская к нему только тогда, когда все показывали ей выполненную домашнюю работу. Лишь Слизерин не поддался этому искушению, хотя, судя по наблюдениям, только лишь из-за своего невежества, поскольку некоторые из слизеринцев стали также присоединяться в вечерних посиделках за телевизором с остальными, не в силах сопротивляться соблазну посмотреть, как маглы живут на самом деле, при этом ещё и тиская и поглаживая разноцветных пушистых поняшек.

Попытка директора избавить школу от столь нежелательного влияния обернулась беспрецедентным единством трёх факультетов, единодушно отказавшихся отдавать телек. Что ещё хуже, профессора оказались просто в восторге от внезапно повысившегося мастерства учеников, которое те проявляли благодаря мотивации, появившейся под влиянием этого клятого дементорового ящика. Следующие несколько недель стали как для алознамённого факультета, так и для персонала школы сплошным мучением. После того как детей с наступлением отбоя отправляли спать, весь преподавательский состав вместе со старостами факультетов и несколькими маглорожденными учениками из старших классов собирался в гостиной Гриффиндора и проводил долгие и мучительные исследования немагического мира посредством этого самого несносного телека, поднимая себе настроение сливочным пивом,

огневиски и различными закусками. Результатом этих исследований стала полная переработка программы магловедения. Политика в отношении оружия также была пересмотрена и дополнена: список запрещённых и подлежащих немедленной конфискации вещей пополнили все виды световых мечей, атомных резаков, огнемётов, дезинтеграторов, бластеров, фазеров, турболазеров и цепных мечей. Русалки до сих пор были очень недовольны происшествием с попыткой ловить рыбу по-гномьи, хотя все ученики видели, что спрут в это время находился на другом конце озера, о чём они потом в один голос и заявляли. Порой близнецы Уизли оказываются даже слишком умными — к счастью для себя. Кстати, хорошо, что вспомнил — «гномьи удочки», оказавшиеся, несмотря на своё невинное название, вариантом магловского оружия «дробовик», также стоит добавить в список запрещённых вещей.

Та часть планов Дамблдора, которая пережила все эти перемены и потрясения, теперь уместилась бы на острие иглы, и то бы свободное место осталось. Теперь, когда все его тщательно продуманные и воплощаемые в жизнь планы оказались сметены даже не волной — цунами перемен, Альбус был вынужден снова раз за разом тщательно обдумывать дальнейшие действия со всех возможных ракурсов. Однако нет смысла рыдать над пролитым молоком, как и бессмысленно горевать из-за его неспособности остановить приливную волну. Всё, что ему оставалось — приспособливаться к новым правилам и готовиться повести следующее поколение в светлое будущее.

Тем не менее, порой казалось, будто над их волшебным миром витает настоящий дух хаоса.

Сидя за рабочим столом, Амелия Боунс яростно боролась со своим самым ненавистным врагом — документами. Мало того, что весь последний месяц её буквально завалило тяжёлой работой, так ещё и эти внезапные приступы тошноты, проявлявшиеся, казалось, в самое неподходящее время, просто добивали Амелию. Перекладывание бумажек туда-сюда стало для неё бóльшим проклятием, чем вся эта политика. Что ещё хуже — её подчинённые последнее время только этим и позволяли ей заниматься: каждый раз, когда она пыталась надавить своей должностью, те только улыбались и кивали ей, а затем, если Амелия пыталась отправиться на очередной вызов, просто кидали на неё «ступефай».

— Эй, босс, я вам принёс тот отчёт, что вы просили, — сказал Шеклбот, заходя в её кабинет.

— Благодарю, Кингсли, — ответила Амелия, похлопав рукой по единственному оставшемуся свободным месту на столе, указывая, куда положить принесённые бумаги.

Положив отчёт, Шеклбот пару секунд помедлил, словно над чем-то раздумывал.

— Как у вас сегодня самочувствие? — наконец спросил Кингсли.

С трудом сдержав стон раздражения, Амелия смогла ограничиться лишь усталым вздохом.

— Кингсли, я не фарфоровая кукла, — сказала она.

— Да-да, конечно, — не стал настаивать Шеклбот и тут же спешно покинул кабинет главы ДМП.

Снова вздохнув, Амелия вновь вспомнила день, когда поведение подчинённых вдруг стало таким... раздражающим. Честно говоря, женщина уже и забыла, когда до этого последний раз болела — она попросту не располагала такой роскошью как время болеть. И потому когда она сорвалась прямо посреди очередной планёрки в дамскую комнату, зажав руками рот, подчинённые ей офицеры почувствовали себя неловко. Только Амелия успела занять своё место, желая продолжить оперативное совещание, как Скримджер взмахом палочки наложил на неё диагностические чары.

— В этом нет необходимости, — возразила глава ДМП. — Обычное расстройство желудка.

Прежде чем ответить, Скримджер смерил свою палочку недоумённым взглядом.

— Думаю, тут всё же кое-что серьёзнее, чем простое расстройство.

— А? — слегка побледнела женщина, испугавшись перспективы на какое-то время оказаться в госпитале Св. Мунго.

Убрав палочку обратно в чехол, Скримджер взглянул ей в глаза и хитро усмехнулся.

— Ну, и кто же счастливый отец?

Дом в пригороде за время отсутствия ребёнка, переселившегося в школьное общежитие, пережил небольшую перестройку, дабы лучше соответствовать их новому стилю жизни. Для начала, в доме появился новый камин, потому как старый был недостаточно большим, и теперь одну из стен гостиной украшала со вкусом оформленная кирпичная пристройка. На месте решётки были выгравированы руны, дабы не допустить возможности возникновения пожара —

весьма разумная предосторожность в случае, если у вас камин настолько большой, что в него можно зайти, не пригибаясь. Правда, его появление сопровождалось неожиданными побочными эффектами.

Магический импульс, возникший при подключении камина к их волшебной сети, подчистую уничтожил всю электронику в доме начиная от электронных наручных часов и заканчивая только недавно купленным новеньким компьютером. Как оказалось, магия, мягко говоря, не дружит с электроникой. Однако это вовсе не беда, если вы знакомы с Лирой и Твайлайт: одно отправленное совой письмо — и проблема оказалась решена. Гигантский кристалл, ставший украшением люстры, висящей примерно посередине дома, позволил двум не ладящим между собой технологиям гармонично сосуществовать и работать бок о бок друг с другом.

В итоге дом стал демонстрацией совместной работы новейших достижений как магловских, так и магических технологий. Алтарь Утренней Бодрости был улучшен чарами, а подземная комната отдыха теперь щеголяла огромным экраном и проектором, а также объёмным звуком. Кроме того, в этом году дети получают сотовые телефоны-раскладушки, в которые встроены маленькие кристаллы, позволяющие аппаратам работать везде, куда бы они ни отправились.

— У нас теперь есть свой камин?! — воскликнула Гермиона, в восхищении разглядывая пополнение в обстановке комнаты. — Это же чудесно! Я думала, что мы не сможем себе такой поставить.

— По правилам, для его установки нужно лишь, чтобы владелец дома был магом, — пояснил Дэн, стряхивая пепел со штанины. — Как только мы преодолели этот недостаток, остальное было лишь делом техники.

— Вы можете пользоваться магией?! — ахнула Гермиона.

Вместо ответа Дэн, изогнув бровь, вытащил их чехла палочку.

— Может, твоя мама и управляется с этой магией-шмагией лучше, но я тоже научился паре трюков.

— Благодаря камину теперь ты сможешь общаться и видеться с друзьями на каникулах, — просияла Эмма при виде дочери. — У Рона и Джинни адрес «Нора». У Луны — «Гнездо». К Парвати можно попасть через «Благословенный сад». Невилл в «Лонгхаузе». Кстати, хорошо, что вспомнила, мне надо с тобой поговорить о нём.

— О Невилле? — удивилась девочка.

— Да, — сказала её мать, понизив голос, в котором послышалась печаль. — Его родители очень сильно пострадали от рук рода Лестрейндж. Не думаю, что он станет тебя винить в этом, однако, боюсь, эти новости всё равно будут для него не самыми приятными.

— Лестрейндж? — Гермiona прикусила губу. — Это та же семья, из которой та наша родственница?

— Да, — сказала Эмма. — Бабушка Невилла аж побагровела, когда узнала, что мы с ними связаны. Думаю, первой её мыслью было немедленно разорвать с нами все связи.

— Да уж, его бабка может до чёртиков напугать, — добавил Дэн.

— Согласна, — кивнула Эмма. — Нам пришлось спешно всё объяснять, чтобы хоть немного её успокоить. Именно она нам рассказала, что мы можем изгонять из рода членов семьи, совершивших преступления. Клянусь, она едва не заплясала от радости, когда Дэн по её совету так и поступил.

— Папа так поступил? — Гермiona обеспокоенно наморщила нос. — Я думала, что это ты — их потомок. Он что, тоже потомок той семьи?

— Нет-нет, — со смехом покачала головой Эмма. — Он теперь регент Рода Лестрейндж. Правила их семьи немного сексистские... Ладно, они откровенно сексистские, однако их можно обойти. Как бы то ни было, у нас теперь достаточно денег, чтобы значительно расширить нашу клинику. Фактически, мы на следующей неделе поедem в теперь уже наше семейное хранилище в Гринготтсе и посмотрим, что там к чему, и это я ещё молчу об их семейном особняке, который уже десять лет стоит запертым. Так что наши каникулы будут полны захватывающих исследований и неожиданных открытий.

— Ты бы видела выражение лица мистера Грюма, когда мы его спросили, не согласится ли он взяться за проверку содержимого хранилища и особняка Лестрейнджей, — добавил её муж. — Судя по его реакции, для него Рождество наступило явно раньше обычного. А когда мы о том же спросили Лиру с Твайлайт, те чуть ли не пищали от восторга, — со смехом закончил Дэн.

— Мы бы и сами уже предварительно их осмотрели, если бы не вся эта волокита с документами, без которых нас могут тут же признать виновными в хранении запрещённых артефактов, если мы вдруг найдём таковые при осмотре наших новых владений, — сказала Эмма Грейнджер. — Всё же Лестрейнджи — известная тёмная семья.

— Надеюсь, мы не найдём ничего слишком уж ужасного, — поёжилась Гермiona.

— Кстати, насчёт ужасного, — вдруг вспомнил её отец. — Можешь мне объяснить, почему мы не так уж давно получили совой письмо, в котором нам сообщили, что тебе теперь категорически запрещено объяснять какие-либо идеи, о которых показывают по научному каналу, близнецам Уизли?

— А, это... — поморщилась девочка. — Просто профессор Макгонагалл услышала, как я объясняла близнецам, что такое орбитальная кинетическая бомбардировка, отчего они тут же загорелись идеей и предложили использовать феникса, чтобы вывести прототип на орбиту...

Крокер расслабленно откинулся на спинку дивана, с обеих сторон к нему прижималось по женщине, тогда как третья делала массаж его плечам и шее. Мужчина больше не был, как говорится, женат на работе — теперь у него была личная жизнь за пределами его кабинета. Даже с учётом значительно увеличившейся нагрузки время, что он проводил дома вдали от работы, также значительно выросло. Возможно, если бы не создание Департамента иномирных дел при Министерстве Магии, возглавляемого Артуром Уизли, у него бы просто не оставалось этого свободного времени. Но, к счастью, именно свежесозданный отдел занялся обучением и интеграцией в общество иммигрантов, оставляя его отделу возможность корпеть над той горой литературы, что любезно предоставило эквестрийское правительство. Крокеру пришлось даже издать указ, лимитирующий количество часов, которое его подчинённые могут проводить за материалами, присланными из другого мира. В конце концов, когда ему поступила уже четвёртая жалоба о том, что жёны неделями не видят дома своих мужей, ему пришлось сделать всем внушение, что они работают, чтобы жить, а не живут, чтобы работать.

С прибытием фолиантов из Эквестрии объём магических знаний фактически удвоился. Знания пони заполняли пробелы в познаниях волшебников столь же успешно, сколь и их знания помогали заполнить пробелы уже самим пони. Те знания, которым будут учить будущие поколения волшебников, станут куда более полными и взаимосвязанными, чем те, которые вложила в них школьная программа их времени.

Конечно, не обошлось без проблем и казусов. Внезапное открытие, что магия уже считала Крокера женатым сразу на трёх его спутницах, стало для него сюрпризом, хотя этот сюрприз точно нельзя было назвать неприятным. Последовавший за этим визит вежливости в министерский архив показал, что он и правда вполне себе официально женат, как, собственно, и ещё один парень, состоящий в интимных отношениях с другим табуном. И судя по всему, при этом пони и человек оказывались связаны узами на всю жизнь. И учитывая, какими собственницами оказались его супруги, надо быть полнейшим идиотом, чтобы пытаться завести с кем-то интрижку на стороне, поскольку это однозначно обернётся целым океаном боли — для него, так уж точно.

Как ни крути, а жить — хорошо. А хорошо жить — ещё лучше. Тревоги, казалось, постепенно рассасывались словно сами собой, и в итоге лишь одно пророчество во всём хранилище оказалось нетронутым. То самое, что, по сути, объявило, что пророчеств не существует и что они бесполезны.

Теперь будущее рисовалось ему в самых ярких и светлых тонах.

Сириус Блэк до сих пор не мог поверить в своё счастье. Просыпаясь каждое утро, он ожидал вновь увидеть вокруг знакомые серые тюремные стены. Но вид красно-золотой обивки вместо серых камней каждый раз приводил его в состояние эйфории — чувства, которое, казалось, им было уже давно забыто и которое, как он думал, покинуло его навсегда. После этих долгих лет выживания в аду он наконец-то снова был свободен. Одно только это делало его донельзя счастливым, однако это был лишь первый из множества даров и благ, что он получил за последние несколько месяцев. И то, что это было только началом, кружило голову не хуже крепкого огневиски.

Воссоединение с Римусом стало второй радостью, которая омрачалась лишь тем, что с ними не было Джеймса. Присутствие рядом с ним бывшего оборотня приносило какое-то странное, необъяснимое чувство комфорта. Его осаждаемый дементорами разум забыл о тепле, даруемом дружбой, однако даже так он подсознательно продолжал к ней тянуться.

Единственной ложкой дёгтя в бочке мёда его нынешней жизни была потеря опеки над Гарри. Алиса во время её пребывания на посту главы рода отказала ему в праве принятия на себя обязанности заботиться о благополучии Гарри, передав другим. И теперь он как крёстный Гарри мог заявить своё право заботиться о мальчике не раньше, чем эти две женщины умрут. Однако после встречи с женщиной, которая утверждала, что теперь является матерью Гарри, у него нет никакого желания, чтобы подобное случилось. Встретиться с этой зеленоволосой женщиной Лили, она бы гордилась тем, что у её сына такая приёмная мать. Он не сожалел о решении, принятом Алисой — в конце концов женщина понятия не имела, не был ли Сириус под влиянием манипуляций Дамблдора, и сделала это ради Гарри и его благополучия. Сириус был расстроен подобным результатом, но не злился из-за этого.

А ведь была ещё и его новая подруга. Они ещё и месяца не были знакомы, как она чётко и ясно дала понять, что заинтересована в нём. Честно говоря, оказаться вместо «охотника», как он привык, в роли «добычи» сначала немало его напугало, но как только первая погоня закончилась, они оба неожиданно для себя обнаружили, что по-настоящему наслаждаются обществом друг друга. То, что они так хорошо поладили, неудивительно: его новая подруга оказалась настоящей учёной, и то, что его привлекали женщины со схожими увлечениями, было отнюдь не преувеличением. А уж ощущение мягких губ, что прижимались к его губам, было тем, что, как думал Сириус, ему больше никогда в жизни было не суждено испытать.

Правда, она оказалась довольно странной. Вдруг обнаружилось, что её анимагической формой был... человек. А настоящим её обликом был лавандовый единорог, точнее, единорожка. Твайлайт была разочарована, что, будучи анимагом, Сириус не мог превращаться в жеребца, однако на их отношения это никак не повлияло — их различия только подчёркивали их сходство. По сути, пережитый ими культурный шок оказался забавным сам по себе. И теперь Твайлайт хотела познакомить его со своими подругами, Пинки и Рейнбоу Дэш — обычай, который, как полагал Сириус, был этакой прелюдией перед его знакомством с её родителями.

«Да, жизнь действительно удалась» — подумал Сириус, лениво лёжа в кровати с глуповатой улыбкой на лице.

— Сириус Орион Блэк! — внезапно эхом пронёсся по помещью Блэков громкий женский голос.
— Немедленно тащи свою блохастую собачью задницу сюда! Ты меня слышишь? Сейчас же!

Раздражённо застонав, Сириус перекатился к краю кровати, желая побыстрее выяснить, что там опять Нарциссе надо. Он же вроде никаких заготовленных шуточек не оставлял, так? Если оставил, то явно какую-то дурацкую — судя по голосу, она была очень расстроена.

Спустившись наконец несколько минут спустя, он нашёл свою двоюродную сестру вместе с её сыном в комнате с гобеленом, при этом они оба напряжённо сверлили его взглядом.

— Чё такое, Нисси? — спросил Сириус, с горделивой ленцой вальяжно входя в помещение.

— Не «чётакойкай» мне тут! — выплонула Нарцисса и ткнула в гобелен пальцем. — Что это значит?

Пожав плечами, Сириус повернулся к самообновляющемуся образцу родовой магии. На нём рядом с местом, где ранее при рождении Сириуса появился его портрет, красовался соединённый с ним линией новый портрет. Однако едва он успел осознать сам этот факт и ошарашенно уставиться на них, как случилось то, от чего у него и вовсе отвисла челюсть: мигнув, оба портрета поменялись, после чего оба варианта стали периодически чередоваться. На первой паре портретов Сириус был связан линией с прекраснейшей девушкой во всём мире.

— Твайлайт Спаркл-Блэк, — вслух прочёл он имя, вышитое под её портретом.

Однако когда изображение сменилось, Нарцисса глухо зарычала, а её сын рассмеялся. Теперь на гобелене красовался крупный чёрный пёс, связанный с лавандовым единорогом. И под портретом пса было вышито имя «Сириус Орион Блэк-Спаркл».

Мрачный, тёмный купол, что изначально служил ей тюрьмой, удерживающей взаперти в пещере, сменился изображением неба, отслеживающим смену дня и ночи. Когда-то голый пол и стены превратились в подобие гостиничного номера. Увы, клетка, даже золотая, всё ещё оставалась клеткой. Пленница лежала на большой кровати с балдахином, читая книгу из нового мира, в котором её так называемая дочь училась в школе. Когда часть стены растаяла, знаменуя приход её тюремщицы, которая всё это и принесла ей, пленница даже не стала

утруждать себя поднимать на неё взгляд.

— Тебе нет необходимости держать меня здесь, — заявила она. — Я и не собираюсь мешать тебе или твоему улью.

Сухой смешок стал ей ответом.

— Мы уже много раз обсуждали это, — сказала тюремщица. — Ты знаешь, что я не могу рисковать.

— Это только мешает мне ненавидеть тебя, — вздохнула пленница.

— Я чувствую.

— Ты же знаешь, поступать так по отношению к Шайни очень некрасиво, — обиженно фыркнула пленница.

— Ничего, переживёт.

— Нам необязательно быть врагами, — повторила пленница уже, наверное, в миллионный раз.

— Согласна.

— Ты невыносима! — не сдержалась пленница.

— А ты жутко милая, когда злишься.

На несколько секунд в пещере повисла тишина.

— Надеюсь, ты принесла в этот раз хотя бы немного яблок?

— Прямиком с фермы Эплов.

— Я тебя на луну залягну, как только представится возможность.

— Если это позволит моему улью выжить, то оно того стоит.

— ... передай масло, пожалуйста.

В уютном кресле-качалке сидел старик, тёплое ватное одеяло защищало его от холода, а в камине напротив него горел угасающий огонь. Хоть он уже отпустил горничную на этот вечер, однако у него не было желания лечь в кровать. Глубоко погружённый в раздумья и воспоминания, он едва не пропустил момент, когда одно из окон спальни, скрипнув, открылось.

— Кто здесь? — тут же потребовал он ответа и, обернувшись на звук, обнаружил странную женщину, пролезавшую в эту импровизированную дверь. — Домушник?

— Я здесь не для того, чтобы тебя грабить, — ответила женщина, повернувшись к нему спиной, чтобы закрыть окно.

— Значит, убийца? — бесстрашно спросил старик, не сбавляя тона.

— Я не причиню тебе вреда.

— Тогда зачем ты здесь? — потребовал он.

— Я ощутила приближение смерти.

Старик горько усмехнулся.

— А говорила, что не причинишь вреда.

— Твоя смерть будет не от моих рук.

Ещё один смешок.

— Это всё ещё не объясняет, почему ты здесь.

Женщина вдруг встала перед ним на колени и положила руку на его накрытое одеялом колено.

— Никто не должен встречать свой конец в одиночестве, — сказала незнакомка. — Где твоя семья?

В этот раз смешок вышел сухим и безжизненным.

— Они решили провести праздники в Америке. Я не чувствовал себя готовым их сопровождать.

— Они должны были быть здесь.

— У них есть и своя жизнь, — сказал старик, слова его наполнились горечью и болью. — Я пережил и жену, и детей. Остались только те люди, кто видят во мне лишь надоедливое старика, по недоразумению считающегося их родственником.

— Уверена, они тебя любят, — настаивала женщина.

— Как бы то ни было... — начал старик, но так и не продолжил предложения.

Странная женщина терпеливо ждала, когда он продолжит.

— Это конец, да? — наконец спросил он спустя несколько долгих минут.

— Боюсь, что да, — печально молвила незнакомка.

— Хорошо. Мне уже не терпится вновь встретиться со своей женой, — заявил старик. — Не стоит из-за меня плакать.

В ответ женщина улыбнулась ему.

— Расскажи о тех, о ком ты заботился больше всего на свете, — подтолкнула она.

И он начал рассказывать, делаясь воспоминаниями о самых дорогих ему людях. Камин уже давно потух, и даже угли уже успели остыть и рассыпаться пеплом.

— Спасибо, что навестила меня, — сказал в какой-то момент старик, чувствуя, что уже едва может говорить. — Спасибо, что осталась и выслушала глупые бредни умирающего старика.

— Это не были глупые бредни.

— Спасибо.

Старик устало выдохнул и закрыл глаза, чтобы больше никогда не распахнуть их снова.

<http://tl.rulate.ru/book/28591/1439485>